
ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ РЕЖИМ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ
НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2018 г. В. В. Богатырев^{1, *}, Р. А. Каламкарян²

¹Юридический институт им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

²Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя;
Юридический институт им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

*E-mail: mp_ved.vlsu@mail.ru

Поступила в редакцию 18.09.2017 г.

В работе раскрывается правоприменительный режим имплементации норм международного права в правовой системе Российской Федерации.

Ключевые слова: правовая система Российской Федерации, правоприменительный режим имплементации норм международного права.

DOI: 10.31857/S013207690002183-3

Институт имплементации норм международного права в параметрах своего регулятивного воздействия носит целостный по форме и законченный по содержанию характер. По своей юридической значимости институт имплементации содействуют переводу (трансформации) норм одной системы права (международное право) в другую систему права (внутригосударственное право).

Посредством института имплементации осуществляется процедура по переводу (трансформации) принятых Россией на международном уровне обязательств в сферу регулятивного воздействия внутригосударственного законодательства. Процедура упорядочена, точна и неукоснительно выполняется по закону и по факту.

На законодательном уровне принимаются надлежащие юридические акты (законы), которые, собственно, и выполняют возложенную на них миссию по переводу (трансформации) договорных обязательств в параметры внутригосударственных актов.

В рамках признанного на конституционном уровне формата правового, демократиче-

ского, социального государства в Российской Федерации установлен примат применения международного права. Часть 4 ст. 15 Конституции РФ гласит: “Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора”. При этом, как справедливо отметил проф. Е.Т. Усенко, нормы международного договора, становясь частью права Российской Федерации, сами по себе не изменяют и собственно не могут изменить или отменить нормы общего законодательства, а действуют как специальные нормы, предназначенные для регулирования правоотношений по факту заключенного международного договора. Конкретно проблема урегулируется следующим образом. При обстоятельствах коллизии между правилами международного договора Российской Федерации и правилами закона Российской Федерации суд как орган правосудия применяет в порядке приоритета правила международного договора.

Конституция РФ устанавливает, что международные договоры Российской Федерации являются составной частью правовой систе-

мы Российской Федерации (ч. 4 ст. 15). Практика показывает, что именно договоры наиболее часто применяются судами общей юрисдикции¹. Применение норм международного договора к правоотношениям, возникающим в пределах юрисдикции Российской Федерации, представляется не таким сложным, как применение других источников международного права. Однако и международный договор — отнюдь не простое явление. Для того чтобы правильно определить содержание и объем обязательства, вытекающего из международного договора, нужно учитывать корпус обстоятельств.

Дело в том, что международный договор есть результат согласования воли субъектов международного права, а конституции и другие внутренние нормативные акты, устанавливая порядок взаимоотношений государственных органов и их компетенцию при заключении международных договоров, тем самым оказывают непосредственное воздействие и на процесс волеобразования и волеизъявления государств как субъектов международного права, на формирование их договорной воли. Нарушение установленного в конституции процесса волеобразования государства может привести к существенным порокам его договорной воли, при которых она не будет подлинной волей этого государства и его согласием на обязательность международного договора.²

Следует учитывать, что нарушение внутреннего права государства должно быть такого рода, чтобы его можно было квалифицировать как явное и касающееся нормы внутреннего права "особо важного значения". Такими нормами признаются прежде всего конституционные нормы, касающиеся компетенции различных государственных органов при заключении международных договоров.

Ясно, что суд Российской Федерации, намереваясь применить норму международного права, вправе оценивать ее действительность в соответствии с российским законодательством. Здесь встает вопрос о том, нормы какого акта могут быть квалифицированы как "особо важные". Это, бесспорно, нормы Кон-

ституции РФ, федеральных конституционных законов и федеральных законов.

"Внешние" условия действительности договора касаются трех обстоятельств. **Первое из них** — это ошибка в договоре. По п. 1 ст. 48 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. государство вправе ссылаться на ошибку в договоре как на основание недействительности его согласия на обязательность для него этого договора, если ошибка касается факта или ситуации, которые, по предположению этого государства, существовали при заключении договора и представляли собой существенную основу для его согласия на обязательность для него данного договора.

Ошибка толкуется как добросовестное заблуждение стороны или сторон в отношении тех или иных фактов, на основе которых заключается международный договор. Постоянная Палата международного правосудия в своем решении "О юридическом статусе Восточной Гренландии"³ в 1933 г. установила, что ошибки могут служить основанием для непризнания действительности международного договора.

Не всякая ошибка ведет к недействительности договора. Ошибка должна затрагивать само существо соглашения, т.е. если в результате ошибки на одну из сторон оказались возложенными такие обязательства, которые она не приняла бы на себя, если бы до момента принятия ей стало известно фактическое положение вещей.

Следует учесть, что государство не имеет права ссылаться на ошибку, если оно своим поведением способствовало возникновению этой ошибки или обстоятельства были таковы, что это государство должно было обратить внимание на возможную ошибку. Так, в решении "О храме Преах-Виhear"⁴ Международный Суд заявил, что одна из сторон по обстоятельствам ее юридически значимого поведения не может ссылаться на ошибку в договоре как основание для его недействительности.

Второе обстоятельство — это обман или подкуп. В ст. 49 Венской конвенции о праве

¹ Обзор практики судов см.: *Марочкин С.Ю.* Применение судами России норм международного права // *Росс. ежегодник международного права.* 2003. С. 61–72.

² См.: *Венская конвенция о праве международных договоров.* Комментарий. М., 1997. С. 144.

³ См.: *Legal Status of Eastern Greenland. Judgment.* PCIJ, Series A/B. N 53 (1933). P. 22–147.

⁴ См.: *Temple of Preah-Vihear, Preliminary Objections, Judgments.* ICJ Reports. 1961. P. 17–50.

международных договоров сказано, что если государство заключило договор под влиянием обманных действий другого участвовавшего в переговорах государства, то оно вправе ссылаться на обман как на основание недействительности своего согласия на обязательность для него договора. А ст. 50 гласит, что если согласие государства на обязательность для него договора было выражено в результате прямого или косвенного подкупа его представителя другим участвовавшим в переговорах государством, то первое государство вправе ссылаться на такой подкуп как на основание недействительности его согласия на обязательность для него такого договора.

В случае обмана или подкупа подлинное соглашение не имеет места. В условиях обманных действий или подкупа подлинная воля сторон не может проявиться в полной мере.

Третье обстоятельство — это принуждение того лица, которое ставит свою подпись под договором в качестве представителя государства. "Согласие государства на обязательность для него договора, которое было выражено в результате принуждения его представителя действиями или угрозами, направленными против него, не имеет никакого юридического значения", — говорится в ст. 51 Венской конвенции о праве международных договоров.

Общепризнано, что принуждение или угрозы в отношении лиц, направленные против них персонально, чтобы заставить их подписать, утвердить или ратифицировать международный договор, делают полученное таким образом согласие и весь договор недействительными с самого начала. При этом не имеет значения, было применено физическое воздействие к этим лицам или психическое в виде разного рода угроз.

Принуждение против представителя государства, ведущего переговоры или подписывающего международный договор, делает волеизъявление этого представителя не имеющим юридического значения, а сам международный договор — абсолютно недействительным.

Положения договора становятся обязательными для его участников, и нарушение этих положений повлечет за собой определенные международно-правовые последствия только после вступления договора в силу.

В соответствии с Венской конвенцией (ст. 24) договор вступает в силу в порядке и

на дату, предусмотренные в самом договоре или согласованные между участвовавшими в переговорах государствами. Это значит, что вступление договора в силу регулируется как международным, так и внутренним правом каждого государства-участника. Многосторонние договоры в этих случаях предоставляют участникам больше свободы усмотрения, чем двусторонние. Именно в практике многосторонних договоров нередки случаи, когда в договор включается положение о том, что он вводится в действие в соответствии с внутренним правом.

Для каждого отдельного участника договора важны содержание обязательства, принимаемого его контрагентами, а также сама готовность контрагентов принять на себя это обязательство, а методы имплементации не имеют значения.

Практика вступления договоров в силу чрезвычайно разнообразна и в отношении момента вступления международного договора в силу, и в отношении формы вступления. Причины этого кроются в характере того или иного договора, а также в позициях государств, их заинтересованности во вступлении договора в силу. Следует отметить три момента.

Во-первых, договор может вступить в силу с момента подписания. Чаще всего так бывает с договорами, которые не требуют последующей ратификации или утверждения. Таких договоров — подавляющее большинство.

Иногда договор, которому стороны придат особое значение, может быть по соглашению сторон введен в действие немедленно, с момента подписания, хотя и по характеру, и по условиям, включенным в договор, он подлежит последующей ратификации.

Во-вторых, моментом вступления договора в силу может быть момент его ратификации.

Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ "О международных договорах Российской Федерации" предусматривает, что ратификации должны подвергаться договоры, посвященные пяти группам вопросов: а) вносящие изменения в законодательство; б) об основных правах человека; в) о территориальном разграничении; г) об основах отношений, а также по вопросам разоружения, мира и безопасности; д) об участии в союзах и организациях, если такие договоры предусматривают передачу осуществления части полномо-

чий Российской Федерации или юридическую обязательность решений.

В многосторонних договорах обычным условием для вступления в силу бывает обмен ратификационными грамотами или сдача их на хранение депозитарию обусловленным в договоре числом государств. В некоторых случаях указываются определенные государства, которые должны ратифицировать международный договор, чтобы он вступил в силу. Например, в Уставе ООН предусмотрено, что он вступит в силу по сдаче на хранение ратификационных грамот СССР, Китаем, США, Англией, Францией и большинством других государств, подписавших Устав (п. 3 ст. 110 Устава ООН).

В-третьих, межправительственные договоры по специальным вопросам, подлежащие утверждению правительствами, вступают в силу после их утверждения или обмена извещениями о таком утверждении.

В-четвертых, договор может вступить в силу с момента регистрации акта о ратификации международной организацией. Это бывает предусмотрено в конвенциях, заключенных в рамках Международной Организации Труда (МОТ).

Как видим, условия вступления договоров в силу бывают весьма разнообразными. Однако это несколько не влияет на юридическую силу обязательства, зафиксированного в договоре. Если не нарушены условия, предъявляемые к действительности (валидитарности) договора, то договор одинаково обязателен независимо от условий вступления его в силу. Для того чтобы иметь обязательную силу, договор вовсе не обязательно должен быть ратифицирован.

Договор прекращает свое действие в соответствии с условиями самого договора или иными нормами международного права. Статья 54 Венской конвенции предусматривает две возможности прекращения договора или выхода из него одного из участников: а) в соответствии с положениями договора; б) в любое время с согласия всех участников по консультации с прочими договаривающимися государствами. Это значит, что прекращение обязательств, принятых по договору, возможно только по соглашению.

В большинстве современных международных договоров указываются условия их воз-

можного прекращения. Это может быть срок действия или дата прекращения договора; событие, наступление которого прекращает договор; право денонсировать договор.

Под денонсацией понимается отказ государства-участника от договора с предупреждением, сделанным в порядке и в сроки, предусмотренные в самом договоре. Это значит, что, хотя денонсация — это односторонний акт, в его основе также лежит соглашение сторон.

В настоящее время более 40% всех международных договоров содержат условия о возможности их денонсации или отказа с предупреждением. При этом в многосторонних договорах все чаще употребляется термин "выход из договора".

Есть целые категории договоров, в которых запрещена денонсация при обстоятельствах, на которые действие договора рассчитано. Таковы, например, конвенции о законах и обычаях войны. Допуская возможность их денонсации в мирное время, они запрещают денонсацию во время войны, в которой участвует денонсирующее государство.

Для многих конвенций, кодифицирующих обычное международное право, возможность денонсации не предусматривается. Такое положение основано на том, что нормы международного права, возникшие обычным правовым путем, обязательны для всех субъектов международного права независимо от конкретного признания или непризнания. Вернее, в отношении таких норм непризнание невозможно.

Для правомерного совершения допустимой договором денонсации необходимо соблюдение процедуры денонсации, устанавливаемой внутренним правом государства. Согласно Федеральному закону о международных договорах Российской Федерации 1995 г. денонсация международных договоров России осуществляется, как правило, органом, принявшим решение о согласии на обязательность договора для России (п. 1 и 2 ст. 37). Если вопрос о денонсации рассматривается Государственной Думой, то решение о денонсации принимается в форме федерального закона, который подлежит в соответствии со ст. 106 Конституции РФ обязательному рассмотрению в Совете Федерации, после чего закон о денонсации направляется Президенту России для подписания и обнародования.

Однако, каковы бы ни были условия денонсации по договору, его участники вправе в любое время решить вопрос о прекращении договора. Это значит, что участники соглашения, зафиксированного договором, могут в любое время отменить это соглашение.

Односторонний отказ от договора, при котором не исполняются условия отказа, предусмотренные договором (или договор вообще не содержит положений об отказе), называется аннулированием договора. Аннулирование, как правило, запрещено международным правом. Исключения из этого правила минимальны: 1) существенное нарушение двустороннего договора одним из его участников дает право другому участнику сослаться на это нарушение как на основание для прекращения договора или приостановления его действия в целом или в части; 2) существенное нарушение многостороннего договора одним из его участников дает право другим участникам по соглашению, достигнутому единогласно, приостановить действие договора в целом или в части либо прекратить его; 3) участнику, особо пострадавшему в результате нарушения, — сослаться на это нарушение как на основание для приостановления договора в целом или в части в отношениях между ним и государством, нарушившим договор; 4) любому другому участнику, кроме нарушившего договор государства, — сослаться на это нарушение как на основание для приостановления действия договора в целом или в части в отношении самого себя, если договор носит такой характер, что существенное нарушение его положений одним участником коренным образом меняет положение каждого участника в отношении дальнейшего выполнения им своих обязательств, вытекающих из договора.

В международной практике участник договора, считающий, что у него имеется основание аннулировать договор вследствие его существенного нарушения другой стороной, должен, как правило, заблаговременно в письменной форме уведомить другого участника о мерах, которые он намерен предпринять в отношении договора.

В связи с вышеизложенным определенным интерес представляет вопрос о том, какое нарушение договора может считаться существенным. Концептуально верно, что нарушение должно быть основательным нарушением

договора в его существенных пунктах, затрагивая основы или фундамент договорных отношений между сторонами и ставя под вопрос дальнейшую ценность или возможность этих отношений, в частности в области, регулируемой договором⁵.

Подчеркнем, что договоры, носящие гуманитарный характер, особенно касающиеся защиты прав человека, должны соблюдаться при любых обстоятельствах, даже в случае нарушения со стороны какого-либо участника. Некоторые из международных договоров гуманитарного характера прямо запрещают отказ от них в случае нарушения их какой-либо стороной. Специальная статья об этом есть во всех четырех Женевских конвенциях о защите жертв войны 1949 г. Иными словами, ни одно государство не может уклоняться от соблюдения данных конвенций под предлогом их нарушения другими государствами.

Поскольку процесс принятия государством международного обязательства иногда бывает длительным, частичное обязательство может возникнуть еще до окончательного оформления согласия государства с международным договором.

Здесь возможны два случая. **Первый случай** — подписание Россией универсального многостороннего договора в период до вступления его в силу, если такой договор отвечает двум условиям: 1) действителен по международному праву; 2) в нем обеспечено представительство государств всех основных правовых систем⁶.

Второй случай создается ст. 18 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., в которой говорится, что государство обязано воздерживаться от действий, которые лишили бы договор его объекта и цели, если оно подписало договор под условием ратификации, до тех пор, пока оно не выразит ясно своего намерения не стать участником этого договора; или оно выразило согласие на обязательность для него договора — до вступления договора в силу.

Это значит, что, если дача согласия государства на обязательность для него договора еще не завершена или вступление договора в силу откладывается, государство призвано со-

⁵ См.: Лукашук И.И. Современное право международных договоров. Т. 1. М., 2004. С. 203–215.

⁶ См.: Лукашук И.И. Международное право в судах государств. СПб., 1993. С. 134.

образовывать свое поведение в параметрах юридического существа международного договора, как оно представлено в формате его объекта и цели.

Позитив права установлен по обстоятельствам включенности принципа добросовестности в его качестве общепризнанного принципа современного международного права в режиме *jus cogens* и общего принципа права по смыслу п. 1 "с" ст. 38 Статута Международного Суда.

Начиная с решения Международного Суда от 20 декабря 1974 г. по делу о ядерных испытаниях⁷ и заканчивая концептуальными заключениями признанных юристов в лице профессоров Г. Шварценбергера, Дж. Вентурини, П. Ретера, Нгуен Кок Диня⁸, наука и практика современной международной юриспруденции подтверждают место принципа добросовестности в системе современного международного права.

Концепция воздержания от действий, противоречащих объекту и цели договора, стала утверждаться в международном праве еще в начале XX в. В своем решении "О некоторых интересах Германии в Польской Верхней Силезии" Постоянная Палата международного правосудия признала, что если предстоит ратификация подписанного международного договора, то злоупотребление правом со стороны государства, подписавшего договор, в период после подписания до ратификации может означать нарушение его обязательств по договору.

Согласно российскому праву не вступивший в силу международный договор Российской Федерации может быть оценен Конституционным Судом РФ на предмет его соответствия Конституции. Если договор признан не соответствующим Конституции, он не подлежит введению в действие и применению.

Полномочия Конституционного Суда РФ представлены в ст. 125 Конституции РФ и раскрыты в Федеральном конституционном законе от 27 июля 1994 г. № 1-ФКЗ "О Кон-

ституционном Суде Российской Федерации". Соответственно, в порядке осуществления своих полномочий Конституционный Суд РФ по запросам Президента РФ, Совета Федерации, Государственной Думы, одной пятой членов Совета Федерации или депутатов Государственной Думы, Правительства РФ, Верховного Суда РФ, органов законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации решает дела о соответствии Конституции РФ не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации.

Согласно ст. 88 указанного Закона правом на обращение в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке конституционности не вступившего в законную силу международного договора Российской Федерации обладают Президент РФ, Совет Федерации, Государственная Дума, одна пятая членов (депутатов) Совета Федерации или Государственной Думы, Правительство РФ, Верховный Суд РФ, органы законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Статья 89 названного Закона предписывает, что запрос о проверке конституционности не вступившего в законную силу международного договора Российской Федерации допустим, если упоминаемый в запросе международный договор Российской Федерации подлежит согласно Конституции РФ и Федеральному закону ратификации Государственной Думой или утверждению иным федеральным органом государственной власти; заявитель считает не вступивший в силу международный договор Российской Федерации не подлежащим введению в действие и применению в Российской Федерации из-за его несоответствия Конституции РФ.

Итоговое решение по делу согласно ст. 91 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" обозначено юридически конкретно.

По факту рассмотрения дела о проверке конституционности не вступившего в законную силу международного договора Российской Федерации Конституционный Суд РФ принимает одно из следующих постановлений: о признании не вступившего в законную силу международного договора Российской Федерации либо отдельных его положений соответствующими Конституции РФ; о признании не вступившего в силу международного договора Российской Федерации либо от-

⁷ См.: C I J Recueil. 1974. P. 268.

⁸ См.: *Schwarzenberger G. Fundamental Principles of International Law // RCADI. 1955-1. La Haye, 1956. T. 87. P. 312-314; Schwarzenberger G. The dynamics of International Law. London, 1976. P. 70; Venturini G. La portee et les effets juridiques des attitudes et des actes unilateraux des etats // RCADI. 1962-2. La Haye, 1968. P. 92; Nguen Quoc Dinh. Droit International Public. Paris, 1975. P. 325.*

дельных его положений не соответствующими Конституции РФ. Тем самым с момента провозглашения постановления Конституционного Суда РФ о признании не соответствующими Конституции РФ не вступившего в законную силу международного договора Российской Федерации либо отдельных его положений международный договор не подлежит введению в действие и применению, т.е. не может быть ратифицирован, утвержден и не может вступить в силу для Российской Федерации иным образом.

В том что касается юридического позиционирования Конституционного Суда РФ по линии запроса о конституционности не вступившего в силу международного договора Российской Федерации, то здесь концептуально верно звучит констатация О.И. Тиунова⁹. Конституционный Суд РФ разрешает дело по запросу о конституционности договора, а не о соответствии международного договора международному праву. Таким образом, признанный Судом договор как неконституционный в конечном счете может обозначить себя и как недействительный в параметрах международного права. Признание договора неконституционным, справедливо отмечает О.И. Тиунов, отнюдь не предопределяет вопроса о его действительности или недействительности согласно международному праву. Позитив права здесь обозначен тем, что по факту объявления договора неконституционным он не может стать составной частью национального права России. С другой стороны, решение Конституционного Суда РФ о признании не вступившего в силу международного договора соответствующим Конституции России в качестве ее составной части по обстоятельствам ратификации данного договора или вступления в силу для России осуществляется согласно предписаниям права. Тем самым решение Конституционного Суда РФ устанавливает институционно-правовые основы и в части согласования норм правовой системы России с нормами вступившего в силу международного договора по обстоятельствам возникновения противоречий между Законом РФ и договором.

Перевод не вступившего в силу международного договора в юридический режим пра-

вовой системы Российской Федерации с последующей процедурой его выполнения на основе принципа добросовестности¹⁰ обозначен в общих параметрах международно-правового позиционирования России как добросовестного (с точки зрения права) участника системы международных отношений.

С точки зрения права от срока действия международного договора следует отличать срок действия обязательства, возникшего из договора. Эти сроки могут не совпадать. Например, в ст. 58 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. предусматривается, что денонсация Конвенции каким-либо участником не освобождает его от обязательств в отношении противоправных и противоречащих ей актов, совершенных во время действия Конвенции. В Брюссельской конвенции об ответственности операторов ядерных судов 1962 г. установлено (ст. XIX), что и после прекращения Конвенции ответственность за вред, причиненный ядерными несчастными случаями, продолжается в течение некоторого срока в отношении судов, разрешение на эксплуатацию которых было получено в период действия Конвенции. Торговые соглашения предусматривают сохранение обязанности выполнить все обязательства по контрактам, заключенным в соответствии с этими соглашениями, и после их прекращения.

Прекращение международного договора освобождает его участников от всякого обязательства выполнять договор в дальнейшем, но не влияет на права, обязательства или юридическое положение участников, возникшие в результате выполнения договора. Иными словами, прекращение международного договора, в отличие от недействительности, не имеет обратной силы: прекращенный договор перестает порождать новые права и обязанности между государствами, но то, что было по нему совершено и приобретено, сохраняет силу и после его прекращения, если, конечно, не было отменено впоследствии другими международными договорами и если оно вытекало из действительного договора.

Таким образом, Суд, применяющий норму международного договора, должен: убедиться

⁹ См.: Тиунов О.И. Конституционный Суд Российской Федерации и международное право // Росс. ежегодник международного права. 1985. СПб., 1985. С. 179–191.

¹⁰ Каламкарян Р.А. Принцип добросовестности в современном международном праве. М., 1991. С. 70–108.

в действительности договора; определить соответствие даты его вступления в силу условиям самого договора и другим нормам международного права, относящимся к делу; удостовериться в отсутствии обязательства России по еще не вступившему в силу договору или по договору, срок действия которого уже истек.

В порядке заявленной приверженности государств — членов мирового сообщества примату международного права в международной политике государства призваны переводить постулаты должного поведения на международном уровне (в форме заключенных международных договоров) в постулаты должного поведения на внутригосударственном уровне (в форме законодательных актов). Именно в этом на концептуальном уровне состоит суть института имплементации норм международного права в науке и практике современной юриспруденции.

При общем восприятии значимости комплекса юридических мер государства по переводу принятых международно-правовых обязательств в плоскость внутригосударственного правового пространства в российской литературе представлены различные терминологические определения для обозначенных мер государства. С.В. Черниченко¹¹ и Л.П. Ануфриева¹² вполне обоснованно говорят о процессе трансформации, Г.В. Игнатенко, О.Н. Тиунов¹³, Б.Л. Зимненко¹⁴ юридически правильно высказываются в пользу термина “реализация”, А.С. Гавердовский¹⁵ убедительно выдвигает определение “рецепция”, Р.А. Мюллерсон¹⁶ представляет термин “инкорпорация”.

При всем терминологическом разнообразии и концептуальной приемлемости академических определений процедуры перевода принятых государствами международных обя-

зательств в плоскость внутригосударственного законодательного поля все они определяют одно. Приняв в режиме верховенства права Rule of Law определенные международно-правовые обязательства на договорном уровне, государства призваны на основе принципа добросовестности их выполнять. А это предусматривает осуществление надлежащих процедур по переводу принятых международных обязательств в плоскость внутреннего права государств.

Общим требованием здесь является выполнение государствами — членами ООН всех предписаний должного поведения, установленных режимом верховенства права. На уровне правительств рассматриваемая концепция призывает применять в своей внешней политике общепризнанные категории международного сообщества, исходить из принципа справедливости, общечеловеческих интересов, а не ограничиваться своими собственными. Именно этим следует руководствоваться при выработке политического курса страны и непосредственном претворении его в жизнь.

На межгосударственном уровне процесс усовершенствования международного правопорядка предполагает ряд мер, направленных на повышение императивного начала принципа добросовестного поведения государств на правотворческой и правоприменительной стадиях, а также принципа, предписывающего обязательность проведения прямых и непосредственных переговоров с целью урегулирования всех возникающих международных проблем на основе взаимоприемлемого соглашения.

Причем принцип добросовестного поведения в своем новом качестве призван обеспечить позицию *Uberrimae Fidei* (высокая степень доверия). Такая позиция не только полностью исключает любые злоупотребления правом в ущерб другим государствам, но и предписывает прямую необходимость (обязанность) учитывать взаимные интересы участников международного общения, соизмеряя их с общечеловеческими.

Поскольку в силу повышения императивного начала принципа добросовестного поведения государств в условиях примата и верховенства права доверие приобретает новое качество, то и сотрудничество, которому оно призвано содействовать, выступает в ином

¹¹ См.: Черниченко С.В. Теория международного права. Т. 1. М., 1999. С. 140–160.

¹² См.: Ануфриева Л.П. Соотношение международного публичного и международного частного права. М., 2002. С. 340–360.

¹³ См.: Международное право: учеб. / отв. ред. Г.В. Игнатенко и О.И. Тиунов. М., 2009. С. 174–176.

¹⁴ См.: Зимненко Б.Л. Международное право и правовая система Российской Федерации. М., 2006. С. 63.

¹⁵ См.: Гавердовский А.С. Имплементация норм международного права. Киев, 1980. С. 60–75.

¹⁶ См.: Мюллерсон Р.А. Соотношение международного и внутригосударственного права. М., 1982. С. 60–85.

аспекте. Это уже не просто сотрудничество на базе принципа *Sic utere tuo ut alienum non laedas* (используй свою собственность так, чтобы не вредить собственности другого), но реальное обеспечение целенаправленного обустройства современного миропорядка в силу понимания единства земной цивилизации, ее цельности и взаимодополняемости.

О развитии международного сообщества в последнее время свидетельствуют рост числа международных организаций и совершенствование работы международно-правового механизма.

Поступательное развитие мирового сообщества определяет себя через повышение уровня институционно-правового обеспечения должного поведения субъектов правоотношений по всем сферам регулятивного воздействия норм права. Суд как способ институционно-правового обеспечения должного поведения субъектов правоотношений действует в одновременном и параллельном режиме по линиям внутригосударственной и международной. Тем самым создаются объективные обстоятельства для эффективного осуществления верховенства права — *Rule of Law*.

Общим требованием здесь является выполнение всеми государствами — членами ООН всех предписаний должного поведения, установленных режимом верховенства права.

Институт имплементации ориентирован на перевод теоретических и практических требований в сферу внутригосударственного правового регулирования. И Россия на основе принципа добросовестности осуществляет перевод принятых ею международных обязательств в сферу пространственного действия внутригосударственного права. Таким образом, международно-правовые постулаты должного поведения, ориентированные в первоначальном варианте на регулирование межгосударственных отношений, преобразуются в предписания внутригосударственного порядка.

Выработка оптимального и концептуально правильного обозначения института имплементации норм международного права во внутригосударственное право государств приобретает важное значение как в общетеоретическом, так и в практическом плане.

В этом смысле Б.Л. Зимненко совершенно прав, когда говорит о востребованности обозначения процесса “национально-правовой имплементации” посредством определения

“реализация”¹⁷. Действительно, определение “реализация” по своей концептуальной наполняемости покрывает собой весь спектр выдвинутых учеными терминов для обозначения процесса перевода принятых государствами международных обязательств в формат внутригосударственного правового пространства (речь идет о таких терминах, как “инкорпорация”, “преобразование”, “трансформация”, “рецепция”, “унификация”, “параллельное правотворчество”, “легитимация”)¹⁸.

Процесс, посредством которого осуществляется перевод принятых государством международных обязательств в параметры внутригосударственного правопорядка, носит комплексный и многоформатный характер. Здесь задействуются органы законодательной и исполнительной ветвей власти страны. И насколько они ориентированы на добросовестное претворение в жизнь всех записанных в договорных актах международных обязательств, можно говорить о завершенности процесса имплементации норм международного права по существу. Российская Федерация, будучи привержена добросовестному выполнению взятых на себя международных обязательств, последовательно применяет в рамках повседневной жизни государства весь потенциал правоисполнительной и правообеспечительной практики, заложенный в деятельности законодательных и исполнительных органов страны.

Знаковым элементом в плане подтверждения России как добросовестного участника международного правоисполнительного процесса являются положения п. 4 ст. 15 Конституции страны, где записано, что “общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы”. Зафиксированные здесь конституционные положения Основного Закона страны целиком и полностью вписываются в общепризнанные стандарты международно-правового взаимодействия государств — членов мирового сообщества. Обычно-правовые международные нормы уже в силу их юридической сущности призваны быть составной частью правовой системы любого государства мира, поскольку обладают характером *erga omnes*. А договорно-правовые международные нормы становятся частью правовой страны по факту ратификации их высшим законодательным органом и осуществления процесса

¹⁷ См.: Зимненко Б.Л. Указ. соч. С. 63.

¹⁸ См.: там же. С. 70, 71.

включения (инкорпорации — incorporation) в правовое пространство соответствующего государства. Действия по переводу международно-правовых норм в формат внутригосударственных норм обозначаются, по общему пониманию российских и зарубежных юристов, как процесс имплементации¹⁹. Юридическое значение принципа инкорпорации определяется по его основополагающей регулятивной функции содействия осуществлению международного права в формате обеспечения его эффективности и непосредственного действия. Х. Лаутерпахт²⁰, справедливо отмечая значимость принципа инкорпорации, выдвигает четыре концептуально обоснованных положения в качестве подтверждения своего заключения. **Первое.** В то время как процесс судебного разрешения в международном праве имеет под собой согласительную основу, нормальное применение норм международного права внутригосударственными судами создает определенные гарантии его эффективности. **Второе.** Принцип, содействующий переводу международного права в формат правовой системы страны, расширяет субъектный состав международного права за счет физических лиц. **Третье.** Принцип, содействующий непосредственному применению международного права как и к государствам, так и индивидам (посредством деятельности внутригосударственных судов), ставит под сомнение само понимание абсолютной разности между двумя правовыми системами. **Четвертое.** Принцип инкорпорации, обеспечивая надлежащие условия для перевода международного права в правовую систему государств — членов мирового сообщества, подтверждает верховенство международного права в параметрах межгосударственной правовой системы.

Международное право и внутригосударственное право действительно, как правильно отмеча-

ют на этот счет Г.В. Игнатенко и О.И. Тиунов²¹, могут иметь “совмещенный предмет регулирования”, а само международное право может иметь действие непосредственно по отношению к фигурантам внутригосударственного права, а именно — к физическим лицам. Так, положения ч. 1 ст. 17 Конституции РФ предписывают, что права и свободы человека и гражданина признаются и гарантируются “согласно общепризнанным принципам и нормам международного права”.

Возможность прямого и непосредственного действия норм международного права в пределах российского правового пространства имеет, как справедливо заключают на это счет известные отечественные юристы А.Г. Лисицын-Светланов, А.С. Автономов, С.В. Черниченко, А.Н. Вылегжанин, Б.Л. Зимненко, А.Х. Абашидзе, О.И. Тиунов²², практический и теоретический аспект в плане содействия государственному строительству России. В практическом плане за Россией подтверждается качество правового, социального, демократического государства — добросовестного участника системы международных правоотношений. С точки зрения теории здесь вполне обоснованно звучит тезис, согласно которому международное право и внутригосударственное право воспринимаются как составные части формирующегося “всемирного правового комплекса”²³.

Россия содействует соблюдению верховенства права по всем направлениям регулятивного воздействия международного и внутригосударственного права.

²¹ См.: Международное право: учеб. / отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. М., 2009. С. 28–36.

²² См.: Лисицын-Светланов А.Г. Роль права в модернизации экономики России. М., 2011; Автономов А.С. Права человека, правозащитная и правоохранительная деятельность. М., 2009; Черниченко С.В. Контуры международного права. М., 2014; Вылегжанин А.Н. Решения Международного Суда ООН по спорам о разграничении морских пространств. М., 2004; Зимненко Б.Л. Международное право и правовая система Российской Федерации. М., 2006; Абашидзе А.Х. Институциональные пробелы в универсальной правозащитной системе как фактор негативного влияния на эффективность работы системы договорных органов по правам человека // Sumus ubi sumus. Международное право XXI века: мир и безопасность, сотрудничество, права человека: LIBER AMICORUM в честь профессора Людмилы Петровны Ануфриевой / отв. ред. Н.А. Соколова. М., 2016. С. 43–54; Тиунов О.И., Каширкина А.А., Морозов А.Н. Выполнение международных договоров Российской Федерации. М., 2011.

²³ Абашидзе А.Х. Указ. соч. С. 32.

¹⁹ См.: Международное право: учеб. / под ред. А.Н. Вылегжанина. М., 2009. С. 33–35; Международное право: учеб. для вузов / отв. ред. А.Н. Ковалев, С.В. Черниченко. М., 2006. С. 101–157; Международное право: учеб. / под общ. ред. А.Я. Капустина. М., 2008. С. 155–172; Oppenheim's International Law. Ninth Edition. Peace. Vol. 1. London, 1993. P. 82–86; Conforty B. International Law and the role of domestic legal systems. Dordrecht, Boston, London, 1993. P. 8–10; Rousseau Ch. Droit International Public. T. 1. Paris, 1970. P. 52–54; Atar F. Droit International Public. Entre Ordre et Chaos. Paris, 1994. P. 79–98.

²⁰ См.: International Law. Deing the Collected Papers of H. Lauterpacht. The General Works. Vol. 1 Cambridge, 1970. P. 165, 166.

ENFORCEMENT REGIME OF IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL LAW IN THE LEGAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

© 2018 V. V. Bogatyrev^{1,*}, R. A. Kalamkaryan²

¹*The Law Institute M.M. Speransky Vladimir State University A.G. and N.G. Stoletovykh*

²*Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot;
The Law Institute M.M. Speransky Vladimir State University A.G. and N.G. Stoletovykh*

**E-mail: mp_ved.vlsu@mail.ru*

Received 18.09.2017

The work discloses enforcement regime implementation of International Law in the legal system of the Russian Federation.

Key words: legal system of the Russian Federation, enforcement regime implementation of International Law.